

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Ю. В. Ионова

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И ОБЩИННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОРЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ XIX в.

Вопрос о характере общинных отношений и их роли в жизни корейской деревни еще недостаточно изучен. В нашем распоряжении имеются лишь отдельные упоминания, свидетельствующие о наличии общинного землевладения, по которым трудно составить представление об удельном весе общинных земель. Вместе с тем исследование этого вопроса имеет важное значение для выявления специфических черт феодализма в Корее.

Характер землевладения и землепользования в средневековой Корее окончательно не исследован, дискуссионными являются вопросы о специфике феодальной собственности на землю и соотношении между государственной собственностью и частным землевладением.

Земельный строй в Корее, как и во многих странах Востока, был тесно связан с податным обложением. В зависимости от системы обложения создавалось правовое деление земель на различные категории: государственные, частновладельческие, культовые, общинные и т. д. [2, 14].

В работах советских историков отмечается, что характерной чертой феодализма в Корее являлось наличие государственной собственности на землю [10; 12]. По закону верховным собственником земли считался король (государство), а все землевладельцы выступали лишь как держатели государственных земель, за которые они обязаны были платить в пользу казны поземельную подать. Крупное землевладение было связано с государственной службой. Земли раздавались чиновникам в виде наградных и служебных наделов. На их основе создавалось частное землевладение аристократии — *янбаней* (гражданских и военных чиновников, консолидированных в государственную бюрократию). Значительную часть непосредственных производителей составляли лично-свободные крестьяне — *янины*, обрабатывавшие земли на правах бессрочного пользования.

Общинные земли в Корее существовали в рамках государственной собственности. Государство осуществляло контроль над ними, производило распределение наделов крестьянам, контролировало куплю-продажу крестьянских полей. Обрабатываемые земли распределялись на основе наделной системы. Согласно «Своду законов», опубликованному в 1875 г., каждому мужчине выделялся участок в 4 кёль¹

¹ Кёль — основная единица земельной площади, служившая одновременно и мерой обложения поземельной податью. Кёль был величиной непостоянной для различных по своему качеству земель. Так, 1 кёль земли первого разряда составлял 2758 пхён (1 пхён = 3,31 кв. м), второго разряда — 3071 пхён и т. д.

земли. Такие наделы закреплялись за каждой семьей на правах вечного пользования. Нарезы земли происходили каждые 20 лет. Государственные чиновники перемеривали земли, составляли на нее списки, которые хранились в палате финансов [см. 1, 169].

Корея до середины XIX в. оставалась феодально-бюрократическим государством с характерными для Востока крайне застойными формами общественных отношений. Однако во второй половине XIX в. развитие товарного производства затронуло и сельское хозяйство. Разрушению натурального хозяйства крестьян способствовала замена натуральной ренты денежным налогом. Теперь крестьянин, прежде чем выплатить государственный налог, должен был реализовать часть своего урожая (сам или чаще через скупщика-ростовщика). Расширявшийся ввоз дешевых европейских и японских товаров (главным образом тканей) разрушающим образом воздействовал на ремесленное производство (прежде всего ткачество), подрывая тем самым основу натурального хозяйства — соединение земледелия и ремесла.

Развитие товарно-денежных отношений (проявлением которого была возрастающая ориентация на рынок в рисо-, хлопко- и женьшеневодстве) создало почву для появления в сельском хозяйстве Кореи элементов капиталистического производства. Естественным следствием этого было социальное расслоение корейского крестьянства: выделение численно незначительной кулацкой прослойки и массы разорившихся крестьян, вынужденных наниматься в качестве батраков или сельскохозяйственных рабочих [см. 4, 155].

Однако, несмотря на развитие новых тенденций, старые общинные традиции в социальной жизни деревни продолжали играть заметную роль.

Сохранению общинных отношений в корейской деревне в немалой степени способствовали объективные факторы — климатические условия страны и направление сельского хозяйства (господство поливного земледелия). Практически постоянная необходимость проведения тех или иных ирригационных работ, наличие в годовом сельскохозяйственном цикле крайне напряженных периодов (посев и уборка урожая) — все это обуславливало развитие трудовой взаимопомощи в корейской деревне. Соответствующие традиции имеют древние корни и восходят к первым векам нашей эры [см. 18].

Значительное влияние на размещение населения и экономическую специализацию районов в Корее оказывают горы, так как их расположение воздействует на климат, в значительной степени определяет течение и режим рек. Между горными цепями и по их окраинам у морских берегов расположены равнины, которые, будучи обособлены друг от друга, обладают местными физико-географическими различиями. Самые большие из них находятся в западной части страны у побережья Желтого моря. Равнины отличаются наиболее плотным населением и представляют собой основные сельскохозяйственные районы.

В Корее культивировалось до 25 видов сельскохозяйственных культур. Основной из них был (и не только на юге, но и в отдаленных районах севера) рис, известный на полуострове с первых веков нашей эры. Этому благоприятствуют высокие летние температуры и большая влажность².

² В течение трех летних месяцев на Корейском полуострове выпадает больше половины всех годовых осадков. Это, в общем, благоприятный фактор для сельского хозяйства. Однако в Корее наблюдаются периодические наводнения и чередующиеся с ними засухи.

Наибольшее распространение в стране получил заливной рис, посевы которого производятся в мае—июле. Посадка риса выполнялась вручную, в ней участвовало все деревенское население. Рассадку высаживали на затопленное рисовое поле, разделенное небольшими валиками на участки — чеки (*нончон*). Необходимость проведения посадки в минимальные сроки (от этого в огромной степени зависел будущий урожай) обуславливала распространение совместного труда соседей или сородичей.

Культура поливного риса требует много влаги. (Для вызревания риса необходимо, чтобы поле было равномерно покрыто на продолжительное время водой.) Вследствие этого в сельскохозяйственном производстве в Корее огромную роль играла ирригация. Сложная система плотин, искусственных водоемов, сети отводных и оросительных каналов в принципе находилась в ведении государства. Для расширения и поддержания этой системы в надлежащем порядке использовался труд крестьян. Плата за пользование водой с них не взималась.

Рис редко высаживали подряд несколько лет на одном и том же поле. Его, как правило, чередовали с ячменем, пшеницей или бобовыми³, а иногда и с овощами. Для корейского земледелия характерно также интенсивное хозяйство с грядковым способом обработки суходольных полей. Сущность этого способа сводится к тому, что посев производится на грядках шириной около метра, которые отделяются широкими и глубокими канавами, что весьма целесообразно при изоляции летних осадков. Такой способ обработки поля хотя и отнимал много времени, но давал больше урожая, чем посев вразброс.

Ручные сельскохозяйственные орудия труда, используемые корейскими крестьянами, были разнообразны и в значительной степени специализированы. Целинные земли обрабатывали заступом — *кквакчи* или своеобразной лопатой — *чанъбугире*, которая состоит из железной лопасти с ушками для веревок и длинной деревянной ручки. Для того чтобы пользоваться этим орудием, требуются усилия нескольких человек (от трех до семи). Один человек нажимает на ручку, а другие тащат чанъбугире за веревки. Далеко не во всякой семье было столько взрослых работников. Поэтому при работе этим орудием также применялась родственная или соседская кооперация.

Вспашка земли производилась и сохой с плоским лемехом, входившим в землю почти под прямым углом. Нередко в такую соху крестьяне впрягались сами, так как тяглогового рабочего скота (волов, коров и лошадей) в корейской деревне было мало.

Для рыхления земли и ее очистки применялись различной величины и формы мотыги: с широким загнутым концом, лопатообразные и др. Для этой же цели использовали деревянную борону с железными или деревянными зубьями. Прополка, являвшаяся самым кропотливым и трудоемким процессом, производилась руками или цапками — *хоми*, которые применялись также для окучивания растений и разрыхления почвы. Все эти работы отнимали у крестьян много времени и труда, так как окучивать и рыхлить почву из-за интенсивных летних дождей приходилось не менее двух раз в сезон, а борьба с сорняками продолжалась в течение всего вегетационного периода.

Сбор урожая производился прямым или несколько вогнутым серпом — *нат* с короткой деревянной ручкой.

³ Бобовые культуры занимали значительное место в рационе корейцев. Бобы идут также на подкорм скоту в зимние и весенние месяцы.

Собранное зерно обмолачивалось деревянными цапами — *торикке* или каменным катком, приводимым в движение с помощью впряженного вола [см. 24, 37—66].

Основные принципы ведения земледелия в Корее были выработаны много веков тому назад и передавались из поколения в поколение. Сроки сеяния и жатвы, выбор почвы, благоприятной для той или иной культуры, характер севооборота и т. д. определялись на основе многовековой практики. Носителями этих знаний были люди старшего поколения, поэтому роль стариков в производственной жизни каждой деревни была исключительно велика.

В XIX в. сельские жители составляли 75—80% общего числа населения Кореи, которое насчитывало 12—15 млн. Они жили в поселениях двух основных видов: *сиголь* и *майм*. Первые отличались наличием в них волостного управления и школы. Планировка сельских поселений зависела от рельефа местности. Деревни, расположенные вдоль дорог или по долинам рек, имели вытянутую форму. Дома располагались по обеим сторонам дороги, образуя довольно плотно застроенную улицу.

Большие деревни в 200—300 дворов располагались в сельскохозяйственных равнинах Южной Кореи. Поселения хуторского типа с малым количеством дворов (от пяти до семи) были более характерны для северной части страны и горных районов.

Наиболее типичная деревня насчитывала 50—80 хозяйств. Если в поселении было меньше 30 дворов, то они объединялись в одну административную единицу — *тонъ* или *ни* [9, 370—371].

Государственный фиск рассматривал деревню как низшую единицу налогового обложения. В зависимости от числа дворов, количества и качества обрабатываемых полей деревня облагалась натуральным и денежным налогом и трудовыми повинностями. Сбор налогов производился по принципу круговой поруки. Крестьяне были ответственны друг за друга. Если кто-либо не мог внести разного рода подати или отработать феодальные повинности, то эти обязанности возлагались на родственников или соседей [14, 197]. Такая система, конечно, облегчала эксплуатацию крестьянства со стороны феодального государства. При определении низших административно-фискальных единиц государство учитывало естественно сложившиеся коллективы-общины, что в немалой степени способствовало сохранению общинных отношений в деревне.

Корейская деревня представляла собой замкнутый социально-экономический организм, базировавшийся на натуральном хозяйстве.

Каждой деревне принадлежала определенная территория с четко обозначенными границами. В нее входили как обработанные земли, так и леса, пустоши, находившиеся в общем пользовании. Кроме того, общинными считались земельные участки, на которых устраивались общедеревенская конная зернотерка и мельница. В общем пользовании находились и колодцы. В некоторых деревнях были свои *инчан* — общественные рабы, исполнявшие грязную работу [22, 238].

Жители деревни обеспечивали себя не только продуктами питания, но и предметами первой необходимости: тканями, обувью, изделиями из дерева (утварью, мебелью), простыми сельскохозяйственными орудиями. Повсеместно было распространено производство плетеных изделий. Из рисовой соломы, тростника и других материалов (на юге — из бамбука) крестьяне плели циновки, сита, занавески, шляпы, обувь, мешки для зерна, сушеной рыбы и др. Плетением занимались обычно те мужчины, которые по состоянию своего здоровья не могли участвовать в сельскохозяйственных работах.

В некоторых деревнях имелись специальные ремесленники — гончары и кузнецы. Крестьяне обеспечивали ремесленнику содержание, обязывая его работать на всех жителей деревни.

Потребность деревни в гончарных и металлических изделиях удовлетворялась в основном кочующими ремесленниками. Горшечники останавливались в тех местах, где находили хорошую глину и дрова для обжига своих изделий. Они строили временное помещение, печь и начинали работу. Когда местные жители запасались их изделиями, они переносили свою мастерскую на новое место. Такие же передвижные мастерские были у обувщиков, кузнецов, ювелиров и др.

В конце XIX в. с проникновением иностранных товаров роль обмена в корейской деревне увеличилась. По стране раскинулась широкая сеть местных рынков, на которых крестьяне обменивали продукты сельского хозяйства на изделия бродячих ремесленников. Торговля шла как в натуральной форме, так и на деньги.

Деревня в Корее являлась не только хозяйственной и административной, но и социальной единицей. На факт адекватности деревни и общины обратил внимание японский исследователь сельского общества Мория Коку [см. 16]. Об этом же писал в одной из своих ранних работ советский ученый М. Н. Пак: «Крестьяне жили обособленными деревенскими общинами, которые носили замкнутый и самодовлеющий характер. По своей структуре все деревенские общины были похожи друг на друга» [11, 72].

Внутренней жизнью деревни-общины руководил орган самоуправления — деревенский совет (*тонге*). В него входили староста (который выбирался из наиболее авторитетной семьи [см. 25, 30—31]), несколько его помощников и выборные представители (*тонсу*) от каждого десяти дворов.

Деревенские советы исполняли как общинные, так и административные функции. Они ведали общественными землями, полями, лесами, следили за состоянием находившихся в общем пользовании оросительных каналов и дорог. В их обязанность входило также распределение по дворам податей и трудовых повинностей, возложенных на деревню.

Советы организовывали совместную помощь во время стихийных бедствий и голода, а также при похоронах и проведении свадеб. В его ведении находилась общая общинная касса, «в которую,— по свидетельству одного из первых французских миссионеров,— все жители без исключения должны делать взносы. На эти деньги приобретается земля, или их отдают на проценты и доходы, употребляют на добавочные налоги, на покупку необходимых предметов для свадьбы, погребений и на другие непредвиденные расходы» [3, 88]. В эти кассы поступал и вступительный пай, который должна была уплатить (чтобы занять в общине полноправное место) каждая вновь прибывшая в деревню семья.

В ведении советов находились также общинные дома и местные школы. На содержание последних, для оплаты учителя и приобретения школьных принадлежностей с каждого жителя деревни ежегодно взималась определенная сумма.

На местное общественное самоуправление в конце XIX в. были возложены еще две задачи, имевшие важное государственное значение: производство ежегодной всенародной переписи и (с 1894 г.) устройство, содержание и заведование запасными хлебными складами зерна (магазинами). Каждая волость имела свой склад, выстроенный на средства, которые слагались из сборов с входивших в нее деревень. В неурожайные годы и во время всенародных бедствий из этих складов выдавали продовольствие беднейшей части населения с тем усло-

вием, чтобы долг был возвращен натурою на следующий год или в течение ряда лет. Кроме того, весной местные жители могли получить зерно на семена, обязуясь вернуть долг осенью того же года [9, 381—385].

Поздней осенью, после снятия урожая, совет созывал общее собрание, которое обычно продолжалось с утра до позднего вечера и сопровождалось общей трапезой. На этих собраниях обсуждались хозяйственные и другие вопросы (вплоть до «персональных дел» сельчан), которые решались общим голосованием. При распределении голосов поровну голос старосты имел решающее значение. Староста обладал правом вето. Если деревенское собрание, несмотря на вето старосты, настаивало на проведении какого-либо мероприятия, то разрешением спорного вопроса занимался волостной старшина, если же и после этого дело не было улажено, то оно передавалось в уездное управление.

Заседания деревенских советов и общие собрания происходили в специальных общинных зданиях (*точхонъ* или *кончжон*). Одно-два таких здания имелись почти в каждой деревне (не случайно поэтому только в уезде Пукчхен их было 764) [см. 20]. По размерам и архитектуре такие здания отличались от обычных крестьянских *чиби* — каркасно-столбовых построек, обмазанных глиной. Общественные дома нередко были двухэтажными и по своему архитектурному стилю напоминали дворцы. Здания эти строились самими крестьянами на средства и из материалов общины. Каждый двор должен был затратить на строительство определенное число дней и внести в общий фонд свой пай зерном. Обслуживание и уход за зданием также были общим делом. (Например, зимой дрова для отопления общинного дома доставляла молодежь деревни, собирая хворост в близлежащих лесах.)

В общинных зданиях проходили всякого рода общественные праздники. Там же хранились утварь, музыкальные инструменты (барабаны, флейты, цимбалы и др.). На собраниях в общинных зданиях старики знакомили молодежь с общинными традициями, учили моральным нормам поведения, давали необходимые советы в повседневной жизни. В этих же домах наказывались лица, нарушавшие общинные обычаи и нормы поведения. На общих собраниях существовала строгая иерархия возрастных групп. При наличии двух залов люди старшего поколения собирались отдельно от молодежи. Если же второго зала не было, то старики занимали лучшее, более теплое место на кане, а молодежь — противоположную сторону. Женщины в общинные дома не допускались.

В общинном доме размещали на ночлег знатных приезжих. Они считались гостями всей общины, и каждый двор выделял свою долю на соответствующий прием. Иногда в общинном здании ночевали и жители самой деревни.

Кроме того, в общественном ведении находился похоронный дом — *тока*. В нем держали предметы, предназначенные для похорон: катафалк, посуду и др. Тока считался «нечистым», зловещим, поэтому его строили вдали от селения.

* * *

В сельскохозяйственном производстве в Корее XIX в. большую роль играли различные формы совместного труда. Как правило, пять-семь семей объединялись в группы — *туре* или *пхумаси*. Между этими двумя типами объединений была известная разница. Члены *туре* (*ту-*

рекун) — мужчины — совместно проводили сельскохозяйственные работы: посадку рассады, уборку урожая, рубку камыша, расчистку земли от леса и кустарника и т. д. Иногда все туре уходило на заработки. В этом случае все заработанное ими шло в общую кассу и расходовалось на общие нужды. У туре были и свои праздники — *туренори*. Некоторые исследователи считают, что слово «туре» означает «очередность». Это предположение не лишено основания, так как действительно члены туре поочередно работали на полях друг для друга. Чен Чянь Сек, исследовавший эту форму совместных работ, характеризует ее как пережиток общины, по его мнению разрушенной еще до объединения Кореи в единое государство (VII в. н. э.) [19, 12].

Пхумаси представляли из себя бригады взаимопомощи, в основу отношений которых был положен принцип обязательной эквивалентности трудовых услуг, оказываемых ее членами друг другу. При учете выполненной работы во внимание принимался ее характер и возраст работающего.

Обычай обязывал трудиться на чужом поле лучше, чем на своем. Хозяин поля, на котором происходила совместная работа, кормил всю группу. Нередко на эти общие трапезы приглашали вдов и бедных односельчан [17].

«У корейцев, — писал В. Ф. Ладыгин о характере взаимоотношений, сложившихся в деревне, — идут работать без особого приглашения всем селом решительно ко всем, и к богатым, и к бедняку, и работают так, точно каждый работает на ..своем поле, для себя лично, а не на соседа... Здесь они работают с полным сознанием того, что от аккуратности их работы и от пользы такой усердной работы, хотя бы и на чужой пашне, зависит урожай, следовательно, и достаток односельчан, и с тем вместе и аккуратное поступление с него долга в сельскую ссудную кассу, членами которой состоят все односельчане... круговая порука и побуждает односельчан строже исполнять хороший обычай „помочи“, побуждает всех следить за тем, чтобы кто-нибудь из членов кооператива не нанес ущерба остальным сочленам нерадивым своим отношением к главному источнику благосостояния сельчанина — к пашне» [8, 140].

В корейских деревнях в рассматриваемый период создавались объединения типа *кей*. Каждый вступающий в это объединение вносил денежный пай, размеры которого устанавливались в зависимости от суммы, необходимой на конкретные общественные нужды. Все члены *кей* имели равные права.

Общинные отношения, представления находили в корейской деревне свое воплощение в религиозных культах. Так, исследователи религии корейцев Кларк [21] и Акиба Такаси [15] отмечали повсеместное распространение общедеревенских молений — *кут* — во время бедствий (засухи, наводнений, эпидемий) и дарственных жертвоприношений перед началом полевых работ и после снятия урожая.

Особо необходимо отметить явные следы тотемизма. На границах деревень у дороги и в XIX в. ставились «покровители деревни» — резные столбы, на верхней части которых вырезалась получеловеческая, полузвериная маска мифического тотемного первопредка [6]. Нередко граница деревни определялась по какому-нибудь приметному дереву. Такие деревья считались священными, и под ними устраивались алтари и приносились общедеревенские жертвоприношения.

В корейских деревнях одним из наиболее распространенных праздников был обряд *санче* — «поклонение горам». По представлениям корейцев, в горах обитала их мифическая прародительница [7, 293]. В народе этот праздник осмыслялся как поклонение предкам

вообще. Во всем, что с ним связано, довольно явственно прослеживается сохранение архаических представлений и обрядности, восходящих к древнему культу медведя [5, 154—157]. Праздник санче устраивался в 10-м месяце по лунному календарю. В нем принимали участие все жители деревни. Они собирали деньги, на которые покупали жертвенного быка. Для совершения обряда выбирали знающего ритуал старика, в доме которого в это время не произошло ни рождений, ни смерти. Он назначал группу из семи-восьми человек, совершавших обряд моления и жертвоприношения, во время которого соблюдались словесные запреты. Праздник заканчивался играми в масках, пением и танцами и общей трапезой. Женщины в обряде не участвовали.

Как явление более позднего порядка следует отметить общедеревенский обряд поклонения богу богатства — *бу-гун* [23, 17—20]. В его честь под священным деревом деревни устраивали алтарь — соломенную хижину (*бугун чжу чжо*), внутри которой помещали глиняный горшок с зерном нового урожая. Обряд общедеревенского жертвоприношения совершался ежегодно — вскоре после Нового года, в полночь. Для проведения церемонии каждая семья, в зависимости от благосостояния, вносила определенную сумму денег. Исполнял его староста деревни, который за несколько дней подготавливался к этой церемонии: воздерживался от общения с женой, мыл голову, а в день праздника надевал новую одежду. К утру, после первого крика петуха, в больших котлах начинали готовить кушанья, варить рис и гнать рисовую водку — *сули*. Все угощения распределялись согласно внесеному паю, но при этом стариков угощали первыми.

Приведенные материалы красноречиво свидетельствуют о той большой роли, какую играли общинные отношения в социально-экономической жизни корейской деревни XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриевский П. А. Записки, составленные переводчиком при окружном управлении на острове Цусима, Отано Кигаро.— ЗИРГО, т. XII, СПб., 1884.
2. Домбо Л. М. Земельный строй Востока, Л., 1927.
3. Ждан-Пушкин П. Корея, Очерки историй учреждений, языка, нравов, обычаев и распространение христианства (пер. с фр.),—«Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран», т. I, вып. 2, СПб., 1876.
4. Ионова Ю. В. Корейская деревня в конце XIX — начале XX в.,—«Восточно-азиатский этнографический сборник», ТИЭ, новая серия, т. LX, М.—Л., 1960.
5. Ионова Ю. В. Культ медведя, пещер и гор у корейцев,— сб. «Страны и народы Востока», вып. IV, М., 1968.
6. Ионова Ю. В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев,— сб. «Религия и мифология Восточной и Южной Азии», М., 1970.
7. Ким Бусик, Самкук саги (пер. с кор. М. Н. Пака), М., 1959.
8. Ладыгин В. Ф. Корея. Отчет коммерческого агента Китайской восточной железной дороги по поездке в Корею в декабре — январе 1912/13 г., Харбин, 1915.
9. Описание Кореи, ч. II, СПб., 1900.
10. Пак М. Н. К характеристике социально-экономических отношений в Корею в XIX в.,—«Сборник статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952.
11. Пак М. Н. Очерки из политической истории Кореи во второй половине XIX в. (автореферат),—«Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», М., 1948.
12. Тягай Г. Д. Очерки истории Кореи во второй половине XIX в., М., 1960.
13. Хван-тонюк. Аграрный вопрос в Корею,—«Революционный Восток», 1934, № 5.
14. Чон Чин Сок, Чон Сон Чхоль, Ким Чхан Вон. История корейской философии (пер. с кор.), т. 1, М., 1966.
15. Акиба Такаси. Тёсэн фудзоку-но гэнти кэнкю (Порайонное изучение шаманства в Корею), Киото, 1959.
16. Мория Коку. Кюрай-но тёсэн ногё сякай-ни цуитэ-но тамэ-ни (К вопросу об изучении прошлого и будущего сельского общества Кореи),— сб. «Тёсэн сякай кэйдай си кэнсю» («Исследования социально-экономической истории Кореи»), вып. 1, т. 6, Токио, 1933.

17. Судзуки Эйтаро. Тёсэн-но кэй то пумаси (Объединение кей и пхумаси в Корее),— «Миндзоку кэнкю», т. 27, 1963, № 3.
18. Хироси Сиката. Кюрай-но тёсэн сякай-но рэкиси тэки сэйкаку-ни цуитэ (О характере традиционных общин в Корее),— «Тёсэн гакухо», 1951, № 2.
19. Чен Чанъ Сек, Турэ-э кванха-э [К вопросу о «туре» (Происхождение туре и социально-экономическая основа)],— «Мунхва юсан», 1957, № 2.
20. Чен Чанъ Сек. Пукчхень чипанъ-ы минсок (Народные обычаи в районе Пукчхен),— «Мунхва юсан», 1957, № 4.
21. Clark C. A. Religions of Old Korea, New York, 1932.
22. Griffis W. E. Corea. The Hermit Nation, New York, 1882.
23. Heydrich M. Koreanische Landwirtschaft, Leipzig, 1931.
24. Osgood C. The Koreans and their Culture, New York, 1961.
25. Wilkinson W. H. The Corea Government Constitutional Changes from July 1894 to October 1895, Shanghai, 1897.